

УДК 81.2-5
DOI 10.17223/18137083/55/16

С. В. Гричин

Томский политехнический университет

Категория определенности/неопределенности в аспекте авторизации

На материале научного дискурса описываются особенности реализации категории определенности/неопределенности в аспекте авторизации. Дается краткий обзор существующих подходов к анализу данной категории, раскрывается содержание дискурсивного аспекта ее исследования. С опорой на положения функционально-коммуникативного синтаксиса, функционального синтаксиса, функциональной стилистики, а также теорию референции были выделены языковые единицы – кванторы определенности и неопределенности. Показано, что введение авторизационной конструкции в структуру предложения приводит к экспликации в нем кванторов определенности: дейктических местоимений с указательной функцией, имен собственных, обстоятельственных актуализаторов (грамматических и семантических), прилагательных и наречий с семантикой определенности, числительных. Напротив, неавторизованные высказывания, не демонстрируя определенности в отношении источника информации, оказываются и менее определенными в отношении пропозиции. Делается вывод о том, что смыслы определенности/неопределенности модуса и диктума предложений являются взаимодействующими.

Ключевые слова: научный дискурс, авторизация, определенность, неопределенность.

Настоящая работа посвящена изучению определенности/неопределенности выражения источника информации в авторизованных высказываниях на материале текстов научного дискурса. В основе ее лежит идея о том, что введение в структуру высказывания авторизационной конструкции детерминирует появление некоторых особенностей в семантической структуре предложения, т. е. в диктумной части. Мы предположили, что поскольку сам по себе акт авторизации представляет собой указание на источник излагаемой информации, т. е. конкретизацию, внесение определенности в вопрос о ее происхождении, то и диктумная (авторизируемая) часть должна каким-то образом отражать эту определенность. Напротив, неавторизованные высказывания, не демонстрируя определенности в от-

Гричин Сергей Владимирович – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой гуманитарного образования и иностранных языков Юргинского технологического института (филиала) Томского политехнического университета (ул. Ленинградская, 26, Юрга, 652055, Россия; grichin sergei@mail.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2016. № 2
© С. В. Гричин, 2016

ношении источника информации, по сравнению с авторизованными должны быть и менее «определенными» в отношении пропозиции.

Необходимо отметить, что изучение субъективных лингвистических категорий, к которым относится авторизация, в связи с ситуацией и воплощением ее пропозицией и результирующими смыслами определенности/неопределенности, базируется на имеющем давнюю историю в лингвистике интересе к онтологическим аспектам высказывания, когда объективная реальность рассматривается как фиксируемая в языке субъектом, а индивидуальные свойства субъекта определяют степень определенности/неопределенности описываемых им ситуаций, т. е. роль субъекта заключается в отборе элементов для их описания. Как отмечает К. А. Переверзев, «только модализованная пропозиция, Р (например, Я верю/полагаю/знаю, что Р) – (авторизационные конструкции. – С. Г.) способна создавать эпистемическую реальность – ситуации и миры» [Переверзев, 1998, с. 47].

Проблема определенности/неопределенности в языке уже становилась темой исследования ряда лингвистов [Шмелев, 1984; Ревзина, 1979; Маштакова, 2005]. В работе [Грамматические исследования, 1989, с. 227] неопределенность трактуется как «отсутствие точного указания на лицо, предмет, признак, место, время, причину, количество. Это отсутствие может быть вызвано... различными коммуникативными намерениями говорящего: говорящему неизвестно лицо, предмет, признак и т. д.; говорящий не уверен, что они ему известны; говорящий считает ненужным уточнить, дать точную информацию, хочет утаить ее и т. п.».

Проблема определенности/неопределенности становилась предметом дискурсивных исследований. Так, на материале дискурса СМИ она достаточно подробно изучена Е. В. Осетровой, которая отметила, что «уход от конкретного авторства в сторону неопределенности, а то и полной анонимности источника – узуальная норма СМИ» [Осетрова, 2010, с. 13].

Применительно к научному дискурсу, характеризующемуся стереотипизацией речемыслительной деятельности вследствие социального характера коммуникативной деятельности, заключающегося в повторяемости свойственных для нее речевых ситуаций, а также психологических установок автора научного текста к автоматизму мысли и речи и других факторов, авторизационные конструкции, характерные для научного изложения, можно отчетливо разделить на те, которые выражают авторизацию мысли, и те, которые вводят неавторизованную информацию [Стереотипные единицы..., 2012].

Н. В. Соловьева относит к первой группе следующие конструкции: «а) для авторизации собственной мысли: *было установлено, что; будет рассмотрено; в заключение можно сделать следующие выводы; вероятно; вызывает сомнения то, что; вызывает удивление то, что/как/почему и т. п.; мы рассмотрим (что); мы считаем, что; мы убеждены в том, что; мы уверены в том, что; не вызывает сомнения, что; начнем с рассмотрения; невозможно предположить, чтобы; нужно сказать о том, что; определим; остается непонятным, как/почему и т. п.; очевидно; очевидно, что; перейдем к (чему); по нашему мнению; по нашим наблюдениям; теперь, когда рассмотрено..., обратимся к анализу; (что) может быть представлено в виде/как; (что) можно представить в виде/как; ясно, что;* б) для авторизации чужой мысли: *автор анализирует (что. – В. п.); в работе автор отвечает на вопрос о том, что; в работе автор ставит вопрос о том, что; по данным / по мнению / по мысли / по наблюдениям / по определению / по сведениям / по утверждению автора; согласно данным/мнению/мысли/наблюдениям/определению/рекомендациям/сведениям автора»* [Стереотипные единицы..., 2012].

К неавторизованным формам изложения Н. В. Соловьева относит следующие: *большинство ученых; в лингвистике принято считать, что; известно, что; как*

это широко практикуется во многих исследованиях; некоторые ученые; предшественники (автора); ряд исследователей/авторов; сторонники (какой-либо теории); согласно выводам ряда авторов; с учетом сказанного становится очевидной особая роль трудов; характерно, что к такому же выводу приходят и другие авторы [Стереотипные единицы..., с. 36].

Как видно из приведенного материала, авторизованные высказывания демонстрируют как определенность (*по нашему мнению*), так и неопределенность (*остается непонятным, как/почему*) в отношении источника информации, в то время как неавторизованные высказывания почти всегда указывают на неопределенность источника. Таким образом, прямой зависимости определенности/неопределенности выражения источника информации от авторизованности/неавторизованности высказывания не наблюдается.

Некоторые исследователи отмечают характерное для русского национального сознания и, как следствие, для русского языка количественное преобладание форм выражения неопределенности по сравнению с показателями определенности [Сидорова, 2006, с. 18, 30; Николаева, 2000; Левин, 1998, с. 646, 652]. Н. Д. Арутюнова, делящая категорию неопределенности на референтную, признаковую и модальную, отмечает, что через неопределенность «проявляет себя концептуальная (когнитивная), а не чисто формальная специфика русского языка» [Арутюнова, 1999, с. 894]. Более того, в исторической перспективе, по наблюдениям Н. Д. Арутюновой, категория неопределенности «приобретала все большую дифференцированность и широту диапазона... между тем показатели определенности постепенно сокращались как в числе, так и в употребительности» [Там же]. Такую ситуацию она называет симптоматичной для современного состояния русского языка и объясняет, среди прочего, падением культуры речи и «отпадением языка от культуры».

Задача определения зависимости семантической организации высказывания от авторизации выдвигает подобное исследование на пересечение трех направлений лингвистических исследований: функционально-коммуникативного синтаксиса Г. А. Золотовой [Коммуникативная грамматика..., 1998], функционального синтаксиса А. Мустайоки [Мустайоки, 2006] и функциональной стилистики [Кожина, 1968]. Из семантического синтаксиса мы заимствуем идею том, что «такие слова поверхностной структуры, как *точка зрения, мнение, думать и считать* (являющиеся авторизационными показателями. – С. Г.), выражают строевые элементы семантической структуры и поэтому должны быть описаны (в функциональном синтаксисе)» [Мустайоки, 2006, с. 23]. Отчасти некоторые положения функционального синтаксиса помогают объяснить выраженность/невыраженность авторизационных конструкций в поверхностной семантической структуре, например, «отсутствие вводящего перформативного предложения с метаглаголом при Речевых функциях и при Авторизации»: *Я приду вовремя (Я обещаю, что...)*. *Игорь красивый (Я считаю, что...)*. *Который час? (Я спрашиваю, который...)*. *Ну и погода! (Я сожалею/радуюсь, что...)*. [Мустайоки, 2006, с. 43]. Функционально-коммуникативному синтаксису мы обязаны трактовкой авторизации как функционально-семантической категории, а положения функциональной стилистики помогают нам понять причины экспликации авторизационных показателей, лежащие за пределами семантики: экстралингвистическая детерминированность, стилистический отбор, дискурсивная реализация и др. Так, например, с позиций функциональной стилистики, точность научной речи предполагает наличие терминированных понятий, «однако автор может считать 1) необходимым и возможным дать четкое определение понятия, 2) возможным лишь частично определить понятие (указать некоторые признаки), 3) невозможным дать определение на данном этапе разработки понятия. Такая вариативность познавательно-коммуникативной ситуации порождает неопределенность, вернее, определен-

ность/неопределенность выбора средств для точной характеристики содержания и объема понятия» [СЭСРЯ, с. 556].

Также необходимо вкратце остановиться на том, что мы в нашей работе понимаем под семантической организацией высказывания. Относительно устройства диктума у лингвистов существуют различные представления, в рамках нашей работы мы разделяем взгляд Т. П. Ломтева, изложенный в [Шмелева, 1983]. Согласно Т. П. Ломтеву, содержательная структура предложения включает в себя три звена: а) денотаты предложения, обозначающие явления объективной действительности (события, ситуации), б) информацию о событиях и ситуациях, в) «структуру этой информации, связанную со способом названия события, оформлением его в предложении» [Там же, с. 43, 44]. Таким образом, сложность организации денотативной структуры зависит от количества фрагментов действительности, отраженного в ней, при этом под фрагментами понимается «все, что может быть описано с помощью предложения» [Демьянков, 1983].

Несмотря на сложность описания пропозиции, связанную с тем, что автор отбирает элементы ситуации для обозначения [Гак, 1977, с. 267], а выбор одних элементов приводит к редукции или элиминации других, что может также быть результатом контекстной очевидности («контекстный эллипсис» по С. Н. Цейтлин [Цейтлин, 1976, с. 161]), семантическую структуру можно описать следующим образом. Ее основу образует некоторая «ситуация» или «событие»: «условно ситуацией вообще называют все, что может быть описано с помощью предложения» [Демьянков, 1983, с. 324]. Представляется, что эти и другие понятия, используемые для описания семантической структуры (такие как фрейм, скрипт, слот), соотносятся с понятием пропозиции, понимаемым как «языковое воплощение некоего положения дел в действительности» [Шмелева, 1994, с. 8].

М. В. Рогова отмечает, что значения определенности/неопределенности имени могут реализовываться посредством первого и непервого употребления в тексте, а также через некоторые показатели, к числу которых она относит местоимения и «порядок слов, отражающий актуальное членение предложения», а также «уточнители, актуализаторы, достаточные для того, чтобы соотнести имя с предметом» [Рогова, 1995, с. 50], а также через кореференцию (соотнесение имени с другими именами текста).

Представляется, что категорию определенности/неопределенности в аспекте авторизации можно также выразить через референцию и кореференцию. Существенный вклад в исследование категории определенности/неопределенности и ее связи с референцией сделал И. И. Ревзин, который выделил когнитивный (логический) и коммуникативный аспекты определенности-неопределенности. Когнитивный аспект высказывания, по И. И. Ревзину, связан со свойствами той объективной действительности, которую высказывание отражает, т. е. с логическим содержанием описываемого факта действительности. Коммуникативный же аспект связан с элементами значения, которые не могут быть сформулированы [Ревзин, 1978, с. 139]. При этом И. И. Ревзин выделяет «когнитивные локализаторы» («кванторы»): *все, каждый, всякий* и т. п. – и коммуникативные локализаторы, устанавливающие «место тех или иных объектов по отношению к участникам акта коммуникации и акту речи» и потому «понятные только в конкретной ситуации общения либо в связанном контексте»: *этот, тот* [Там же, с. 143].

Е. С. Мамай приводит следующие языковые средства, использующиеся для осуществления конкретной идентифицирующей (в контексте нашего исследования – определенной) референции: «1) дейктические местоимения, выполняющие указательную функцию и применимые к любому предмету или явлению; 2) имена собственные, обладающие номинативной функцией и свойством сингулярной (единичной) референции; 3) имена нарицательные, выполняющие денотативную функцию (обозначение), но выделение предмета требует специальных актуализа-

торов (указательно-притяжательные местоимения и другие уточнители (грамматические и семантические))» [Мамай, 2013].

Важным в контексте нашего исследования является следующее ограничение. Как известно, Т. В. Шмелева, описывая семантическую структуру предложения, выделила следующие типы его семантических элементов: событийные (факты и события объективной реальности), логические (предложение как результат обобщающего человеческого мышления) и модусные (актуальное отношение и осмысление действительности со стороны говорящего) [Шмелева, 1980, с. 135].

Полагаем, что описание авторизации в аспекте определенности/неопределенности может быть осуществлено лишь для предложений, вводящих событийный тип пропозиции, поскольку именно здесь возможна различная степень детализации (включение места, времени, обстоятельств, действующих лиц, объектов и пр.). В то же время ситуацию не следует воспринимать упрощенно. По [Дейк, Кинч, 1988], восприятие и понимание каких-либо событий происходит не в вакууме, а в рамках ситуаций и социальных контекстов. Согласимся также с Л. В. Калашниковой, определяющей ситуацию в ее отношении между высказыванием и обозначаемым им экстралингвистическим событием как «совокупность элементов, присутствующих в сознании и обуславливающих отбор языковых элементов. Ситуация – это “факт” объективной действительности в сознании и средство передачи мысленного образа, имеющего семантическое содержание» [Калашникова, 2000, с. 21].

Таким образом, в рамках нашего исследования, опираясь на соотношение понятия референции и категории определенности/неопределенности, будем считать кванторами определенности следующие языковые единицы: дейктические местоимения с указательной функцией (указательные местоимения); имена собственные; обстоятельственные аткуализаторы (грамматические и семантические): прилагательные и наречия с семантикой определенности, числительные, (локативы, темпоративы и т. д.). Кванторами неопределенности будем считать языковые единицы с противоположным значением.

Проанализируем, каким образом авторизованность/неавторизованность высказывания, преломляющаяся в нашей работе в проблему определенности/неопределенности источника информации, выраженного в модусе, влияет на определенность/неопределенность описания «ситуации», «положения дел» в диктумной части, т. е. в целом на семантическую организацию высказывания.

Наблюдения показывают, что показатели определенности модусной части авторизованных предложений коррелируют с таковыми в диктуме. Например, имена собственные как показатели определенности могут «притягивать» числительные как кванторы определенности: *По мнению А. П. Баранцева, первая попытка создания письменности для карел «...была, видимо, предпринята в середине XVI в. Она была связана с миссионерской деятельностью православной церкви в Карелии»* (Ковалева, Родионова, 2012, с. 18); *По мысли А. Платонова, «возрождение» человека происходит при наличии двух составляющих – Афродиты и служения идее; Для Назара существуют две Афродиты: «верная Афродита – это богиня», а есть еще и другая – та, которая неверна и предается разврату* (Смирнова, 2012, с. 230).

Числительные и имена собственные как кванторы определенности могут и не быть разведены по модусу и диктуму, и в этом, возможно, проявляется некое универсальное свойство категории определенности/неопределенности, заключающееся в том, что употребление этих языковых элементов вместе на ограниченном текстовом материале, в том числе в рамках предложения, детерминировано особенностями ситуации, т. е. чем более четко очерчены элементы ситуации, тем больше концентрация кванторов определенности и, возможно, наоборот: *Однако в 1850–1969-е гг., благодаря усилиям Достоевского и Шелгунова, Э. По стал*

восприниматься как серьезный и неоднозначный литератор, чье творчество обладает скорее глубоким психологизмом, нежели развлекательностью (Дмитриева, 2013, с. 25).

Интересно отметить, что кванторы определенности модуса и диктума могут соотноситься между собой, ср. употребление числительных в следующих примерах: *В дневниках и письмах Толстого обнаруживается целый ряд отзывов о произведениях Элиот, и почти все они положительные. Так, в письме к С. А. Толстой от 2 февраля 1885 г. он сообщает, что перечитывает четвертый по счету роман Элиот «Феликс Холт, радикал»* (Гнусова, 2013, с. 17); *О. А. Зайцев указывает на тот факт, что в России ежегодно в качестве свидетелей выступают более 10 млн человек, четверть из них меняют свои показания в суде* (Малышев, 2012, с. 122); *Так, по данным ИЦ УМВД России по Томской области в 2009 г. среди привлеченных к уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ мужчины составили 65 %, в 2010 г. – 76 %, за 6 месяцев 2011 г. – 50 %* (Там же). Близкими к вышеприведенным примерам можно считать случаи, когда имена собственные в модусе коррелируют с таковыми в диктуме: *Несмотря на это, Холт чувствует, что в Эсфири есть подлинное нравственное начало, и это побуждает к откровенному разговору о ее характере и жизненных целях...* (Там же, с. 19).

Напротив, элиминация имени собственного, использование вместо него безличной авторизационной конструкции в модусе приводит к экспликации квантора неопределенности в диктуме: *Влияние гендерного фактора было показано в одной из наших работ, где мы обратились к творчеству французского писателя русского происхождения А. Макина* (Кушникова, Юзманов, 2012, с. 49); *Думается, что В. Сорокин произносит эти слова с известной долей иронии, подразумевая под подобным «спасением»/«воскресением» тотальную деградацию Марины* (Смирнова, 2012, с. 227); *Стоит отметить, что грань между добрыми и злыми духами в представлении китайцев не очень четкая: добрые духи живут как на небе, так и на земле; добрые духи, совершившие ошибки, обращаются в злых духов и живут на земле, но в результате работы над собой, самосовершенствования, они снова могут вернуться на небо и стать святыми.* (Цун Япин, 2012, с. 68); *Тем не менее, говоря о неразвитости терминологии карельского языка в целом, следует указать на то, что некоторые тематические группы терминов существуют уже давно* (Ковалева, Родионова, 2012, с. 19); *Конечно, как и все новое, послеложные падежи пока не выглядят до конца сформировавшимися* (Там же, с. 23); *Все респонденты не знали, как рассчитать эту величину. Таким образом, собеседования показали в основном удовлетворительный уровень субъективных знаний в области ФК и спорта, а по нескольким вопросам неудовлетворительный* (Капитанов и др., 2012, с. 148).

Отдельную группу составляют примеры сочетания определенного источника информации и определенных периодов, численных показателей или временных локализаторов: *В форме № 11 (краткая) «Сведения о наличии движении основных фондов (средств)» справочно приводится балансовая стоимость материальных непроизведенных активов на конец года: земли и богатства недр.* (Цибулькикова, 2012, с. 196); *Об ироническом начале пьесы «Любовь – мираж?» упоминает Е. Тахо-Годи в связи с проблемой «Вяч. Иванов и Шпенглер» при анализе «Римских сонетов», созданных вскоре после отъезда Вяч. Иванова в Рим и написания им предисловия к «Любви...»* (Тюрина, 2012, с. 18); *При регистрации ЧСС на ФН во время и после занятия, у всех занимающихся отмечены положительные изменения: снижение ЧСС к концу и период восстановления не более 3 мин (рис. 3)* (Капитанов и др., 2012, с. 150); *Наиболее точно это внутреннее родство двух крупнейших авторов второй половины XIX в. было обосновано Б. М. Проскурнинным, который полагает, что ключевой в произве-*

дениях **Джордж Элиот** была «знаменитая викторианская идея самоусовершенствования, прежде всего морального и нравственного, а также социального и политического», и именно это «привлекало в ее романах Л. Толстого» (Гнюсова, 2013, с. 17); **В дневниках и письмах Толстого обнаруживается целый ряд** отзывов о произведениях Элиот, и почти все они положительные (Там же); **В первые десятилетия советской власти гражданское воспитание понималось исследователями – П. П. Блонским, Н. К. Крупской, А. В. Луначарским, А. С. Макаренко и др., с одной стороны, как правовое и политологическое образование, с другой – как формирование нравственных качеств** (Макеева, 2012, с. 158); **Если у Тейяра речь идет о двух типах энергии, то у Н. И. Кобозева – о существовании и функционировании двух типов единой энергии, о «полной энергии системы», включающей динамическую энергию и векторизующий потенциал (радиальная энергия, по Тейяру)** (Берсенева, 2013, с. 44).

Напротив, неопределенность источника информации в авторизационной конструкции (модусе) приводит к размытости периода времени в диктуме: **По разным оценкам, сегодня китайское население Юго-Восточной Азии составляет от 20 до 30 млн человек, оно контролирует значительную часть экономических активов региона** (Ходова, 2014, с. 149); **Как отмечают западные и отечественные исследователи, «возникновение и распространение новых религий до сих пор остается незавершенным процессом в истории религии** (Быков, 2012, с. 84); **В лингвокультурологической литературе постулируется наличие транслирующей культурную информацию составляющей семантики слова, которая обозначается в лингвистике разными учеными как культурная коннотация, национально-культурный компонент значения, ассоциативно-культурный фон, культурологическая компонента значения слова и т. п. (работы Ю. А. Бельчикова, Е. Л. Березович, А. Д. Васильева, У. Гохуа, В. Н. Телия, Л. Н. Чумак, Е. С. Яковлевой и др.)** (Угрюмова, 2013, с. 39); **Представляется, что процесс взаимодействия энергий, «совместная» направленность энергий для реализации потенции, актуализации какой-либо возможности является одним из факторов, «сближающих» православную синергию и современную научную методологию – синергетику** (Берсенева, 2013, с. 41); **В юридической литературе предлагаются различные классификации гарантий прав личности** (Микулин, 2014, с. 172).

Очевидно, соотношение кванторов определенности/неопределенности можно изучать и на смысловом уровне текста, ср. следующий отрезок, где неопределенность источника в авторизационной конструкции сочетается со значительным количеством кванторов неопределенности в диктуме, что, в конечном итоге, приводит к экспликации самой лексемы «неопределенность»: **Многие западные мыслители утверждают, что задачи профессиональной подготовки постепенно и неуклонно уходят от университетов, а университетское образование не способно сегодня обещать, не говоря уж о том, чтобы гарантировать пожизненную карьеру. Важно понять, что значит быть структурой в современном мире, где в принципе не осталось никаких устойчивых данностей. Век неопределенности бросает вызов университету** (Агафонова, 2012, с. 28).

Кроме того, опираясь на семантику содержательных элементов предложения, можно, вероятно, проследить и динамику изменения соотношения определенного/неопределенного в горизонтальной (линейной) структуре текста. Ср. усиление смысла определенности по мере развертывания текста в следующем примере: **Проблема смыслового соотношения метафорических моделей, характеризующихся обратным соотношением сфер-источников и сфер-мишеней метафорического моделирования, впервые была поставлена в работах З. И. Резановой. Конкретные обратимые концептуальные модели были рассмотрены в работах Е. А. Потураевой, Дай Инли** (Абрамова, 2013, с. 7).

Значительное количество объектов, определений в диктуме при наличии в модусе неопределенного источника информации является довольно частотным явлением: *Среди важных личностных особенностей предпринимателя **исследователи называют**: готовность к риску, организаторские и творческие способности, духовную свободу, волю и энергию, упорство и постоянство, лидерские способности, самостоятельность, высокую мотивацию достижения, высокий уровень интернальности, склонность к умеренному риску, интеллектуальность, инновативность, способности к партнерству, образовательную мобильность* (Муравьева и др., 2014, с. 223); *Среди отрицательных сторон современного высшего образования также **большинство ученых называют**: коммерциализацию, ориентацию исключительно на потребности рынка и глобального капитала; сознательное снижение уровня массового образования (магистратура рассчитана на очень небольшой процент учащихся, большинство же ограничивается 3 годами учебы; приобретение отрывочных, фрагментарных знаний; навязывание мировоззрения, основанного на рыночной экономике* (Цигулева, 2014, с. 228); *В исследованиях коммуникации подчеркивается, что «актуальными и все более важными аспектами современных информационных контактов человека являются его связи с вымышленными, виртуальными, фиктивными, манипулятивно обусловленными видами “новых” реальностей»* (Фортунов, Бокова, 2014, с. 102); *Другие авторы выделяют меньшее количество базовых эмоций, но страх, гнев, печаль и радость обнаруживаются при этом во всех классификаторах* (Волов, 2014, с. 213); *Данный период изучали более 400 диссертантов послевоенного десятилетия. В их работах рассматривались вопросы восстановления промышленности и сельского хозяйства, рост трудовой активности трудящихся, идеологическая жизнь страны, руководящая роль партии в решении основных проблем послевоенного развития СССР* (Хорошенкова, 2014, с. 155). Примечательно, что такое количество объектов/атрибутов в диктуме не всегда обусловлено коллективным, собирательным характером источника информации в модусе, ср.: *Согласно существующим представлениям, поверхностный водный объект – это водоток, водоем или болото с характерным для него водным режимом* (Савичев, Фунг Тхай Зыонг, 2014, с. 246).

Если же рассматривать примеры перечисления объектов в диктуме при определенном источнике информации в модусе, то обращает на себя внимание большая степень структурированности их перечня, например, объекты или атрибуты могут быть представлены в виде пронумерованного списка: ***А. Е. Шастико выделяет 3 вида оппортунизма**: 1) грубый, когда участник заранее готовится к нарушению договоренности, которая для него является мнимой; 2) стратегический – когда участник отношений обладает информацией, ставящей его в стратегически выгодное положение по отношению к партнеру; 3) естественный – когда участник отношений вынужден нарушить условия договоренности в связи с изменившимися обстоятельствами либо по неосведомленности* (Долженко, 2014, с. 185).

Говоря о явлении кореференции как о средстве, способном придавать высказыванию значение определенности/неопределенности, прежде всего отметим, что в нашем понимании кореферентности мы солидарны с мнением Л. В. Калашниковой, считающей, что она представляет собой не только ряд синонимических повторов или простое присвоение других имен одному и тому же объекту (т. е. повторной номинации по Гаку [Гак, 1977] или переименование референта по Фатеевой [Фатеева, 1984]), но «сопровождается приписыванием некоторых признаков, что обогащает наше представление о референте новой, дополнительной информацией» [Калашникова, 2000, с. 6]. А поскольку дополнительная информация почти всегда является конкретизирующей, уточняющей, то языковые средства ее выражения оказываются одновременно кванторами определенности: *Еще*

в 1910-е гг. Б. М. Эйхенбаум писал: «...чеховский метод снимал различия и **противоречия** между социальным и личным, историческим и интимным, общим и частным, большим и малым – **те самые противоречия**, над которыми так мучительно и так бесплодно билась русская литература в поисках обновления жизни» (Степанов, 2012, с. 197); **По нашему мнению**, если актуализировать лингвистические аспекты исследования идентичности и **самоидентификации**, то можно дать следующее определение: **самоидентификация** – это осознанное либо неосознанное вербальное и невербальное маркирование идентичности, т. е. принадлежности, стремления к принадлежности или непринадлежности говорящего субъекта к какой-либо группе/категории, к какому-либо классу/уровню/типу людей (Лаппо, 2013, с. 28). В то же время варьирование в наименовании источника информации может быть вызвано и стилистическими причинами, чтобы избежать повтора в следующем предложении: **Согласно отечественному исследователю, Аристотель и Кант** употребляют понятия «материя» и «форма» одинаково. **Автор монографии** пишет: «**Именно форма** определяет строй явлений, она оформляет мир природы» (Сычева, 2012, с. 46); **А. Ф. Лосев**, подробно проанализировав компоненты этой триады в четвертом томе «Истории античной эстетики» («Аристотель и поздняя классика»), **отмечал**, что именно Аристотелю принадлежит учение о потенции и энергии, которое совмещает идеальное и материальное **в одном неразложимом процессе** смыслового становления, **в едином процессе текущей сущности** (Берсенева, 2013, с. 41).

Интересно отметить, что соотношение кванторов определенности в аспекте авторизации можно наблюдать не только на уровне предложения, но и на уровне текста. Так, следующий пример демонстрирует дистанцирование источника информации от выражающих значение определенности численных показателей следующего предложения: **Анализ средних показателей по шкалам обеих методик дал основания считать, что критерием формирования полученных в результате кластеризации групп является степень осмысленности жизни респондентов: все три группы статистически достоверно различаются по всем шкалам методики СЖО (и, как следствие, по интегральной шкале общей осмысленности жизни) (табл. 1). По объему группы оказались далеко не равноценными: группа респондентов с высокими показателями по всем шкалам насчитывала 52 человека, с самыми низкими – всего 17, со «средними» – 31 человек (один респондент из общей выборки не вошел ни в один кластер, и его показатели были исключены из дальнейшего рассмотрения)** (Лукьянов, Неяскина, 2012, с. 152).

На текстовом уровне также можно наблюдать соотношение перечисления объектов одного предложения с квантором неопределенности другого: **Согласно результатам изучения базисных убеждений у многих респондентов экспериментальной группы отмечаются в целом позитивный взгляд на окружающий мир, убежденность, что их жизнь ими контролируема, за исключением некоторых случаев, где их возможности самоконтроля ситуации неустойчивы. При этом можно отметить некоторую нестабильность и сомнения в убежденности благосклонного отношения к ним со стороны окружающих людей, в ценности собственного «Я», в справедливости мира** (Бохан и др., 2014, с. 208).

Приведенные нами соотношения кванторов определенности/неопределенности в рамках модусно-диктумной организации предложения, связанные с экспликацией авторизационных конструкций двух типов (авторизованные и неавторизованные предложения), можно представить в виде следующих моделей:

1) МО/ДО, 2) МН/ДН,

где М – модус, Д – диктум, О – определенность, Н – неопределенность, косая черта – граница между модусом и диктумом. Данные модели демонстрируют зависи-

мость кванторов определенности и неопределенности модуса и диктума друг от друга на уровне предложения.

Мы полагаем, что помимо причин, объясняющих экспликацию категории определенности/неопределенности в связи с авторизованностью/неавторизованностью высказываний, таких как необходимость говорящего строить высказывание в соотношении с действительностью, фонд знаний автора, определяющий его восприятие описываемой ситуации (а человек, по Т. ван Дейку, «постоянно вычленяет черты, релевантные для данной ситуации и следит за переходом одной ситуации в другую» [Дейк, 1989, с. 30]), а также причин, оказывающих существенное влияние на выбор референциальных средств для обозначения ситуаций, существует, очевидно, причина, приводящая к вышеописанной ситуации, когда определенность/неопределенность модуса приводит к определенности/неопределенности в диктуме. Мы склонны видеть эту причину в том, что как авторизованное, так и неавторизованное высказывание в процессе речетворчества мыслится автором как единое целое, в результате чего значения определенности либо неопределенности, заданные в модусе, в том или ином виде находят свое продолжение в диктумной части. Таким образом, категория определенности/неопределенности реализуется в аспекте авторизации на уровне одного предложения (высказывания) в непарцелированном виде, смыслы определенности/неопределенности модуса и диктума оказываются взаимодействующими.

Кроме того, переход от определенности к неопределенности и наоборот можно наблюдать с экстрапредложенческих позиций, т. е. на уровне текстовой реализации авторизационных моделей, где, очевидно, будут выявляться авторские стратегии реализации прагматических установок.

Перспективу исследования определенности/неопределенности в аспекте авторизации в дискурсивном плане мы связываем с вовлечением сферу анализа материала других дискурсов, в частности, диалекта с его богатым репертуаром авторизационных маркеров [Демешкина, 2013, с. 28], поскольку, как было показано в [Демешкина, 2000, с. 182], особенности диалектной формы коммуникации в значительной степени детерминируют семантические характеристики высказывания.

Список литературы

- Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Яз. рус. культуры, 1999. I–XI. 896 с.
- Гак В. К.* К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977.
- Грамматические исследования: Функционально-стилистический аспект: Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика / Отв. ред. Д. Н. Шмелев. М.: Наука, 1989. 287 с.
- Дейк Т. А., ван.* Язык. Познание. Коммуникация / Сост. В. В. Петрова; под ред. В. И. Герасимова; вступ. ст. Ю. Н. Караулова, В. В. Петрова. М., 1989.
- Дейк Т. А. ван, Кинч В.* Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Радуга, 1988. Вып. 23. С. 153–211.
- Демешкина Т. А.* Теория диалектного высказывания. Аспекты семантики. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 190 с.
- Демешкина Т. А.* Маркеры авторизации в диалектной речи // Наука и образование в XXI веке: Сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф.: В 34 ч. 2013. Ч. 8. С. 25–28.
- Демьянков В. З.* «Событие» в семантике, прагматике и координатах интерпретации текста // Изв. АН СССР. 1983. Сер. лит. и яз. Т. 42, № 4. С. 320–329.

- Калашиникова Л. В.* Кореференция в когнитивном аспекте: Дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2000. 229 с.
- Кожина М. Н.* К основаниям функциональной стилистики: Учеб. пособие. Пермь: Перм. гос. ун-т, 1968. 251 с.
- Коммуникативная грамматика русского языка / Под ред. Г. А. Золотовой; Ин-т русского языка РАН; Филол. фак. Моск. гос. ун-та. М., 1998. 528 с.
- Левин Ю. И.* Истина в дискурсе // Левин Ю. И. Избранные труды: Поэтика и семиотика. М.: Яз. рус. культуры, 1998. С. 645–675.
- Мамай Е. С.* Явление референции в науке о тексте // Филология и литературоведение. 2013. № 4. URL: <http://philology.snauka.ru/2013/04/466> (дата обращения 01.08.2014).
- Маштакова М. В.* Определенность-неопределенность в русском и французском языках: Значения, функции и способы выражения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 20 с.
- Мустайоки А.* Теория функционального синтаксиса: От семантических структур к языковым средствам. М.: Языки славянской культуры, 2006. 512 с.
- Николаева Т. М.* Речевые, коммуникативные и ментальные стереотипы: Социолингвистическая дистрибуция // Язык как средство трансляции культуры. М.: Наука, 2000. С. 112–131.
- Острова Е. В.* Неавторизованная информация в современной коммуникативной среде: Речеведческий аспект: Дис. ... д-ра филол. наук. Красноярск, 2010. 413 с.
- Переверзев К. А.* Высказывание и ситуация: об онтологическом аспекте философии языка // Вопросы языкознания. 1998. № 5. С. 24–52.
- Ревзин И. И.* Структура языка как моделирующей системы. М.: Наука, 1978. 273 с.
- Ревзина О. Г.* Функциональный подход к языку и категория определенности – неопределенности // Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках. М., 1979. С. 64–89.
- Рогова М. В.* Значение определенности/неопределенности: некоторые средства выражения в русском языке // Русский язык за рубежом. 1995. № 1. С. 47–52.
- Сидорова Ю. Л.* Лексические средства воплощения категории определенности/неопределенности в русском языке (на фоне итальянских средств): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006. 31 с.
- Стереотипные единицы в научных текстах: Учеб. слов.-справ. / Сост. М. П. Котурова, Н. В. Соловьева, Л. С. Тихомирова; Перм. гос. ун-т. Пермь, 2012. 52 с.
- СЭСРЯ – Стилистический энциклопедический словарь русского языка. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2006. 696 с.
- Фатеева Е. Д.* Переименования в лингвистике текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1984. 190 с.
- Цейтлин С. Н.* Синтаксические модели со значением психического состояния и их синонимика // Синтаксис и стилистика. М.: Наука, 1976. С. 161–181.
- Шмелев А. Л.* Определенность – неопределенность в названиях лиц в русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1984. 214 с.
- Шмелева Т. В.* Пропозиция и ее репрезентации в предложении // Вопросы русского языкознания. Л., 1980. Вып. 3.
- Шмелева Т. В.* Предложение и ситуация в синтаксической концепции Т. П. Ломтева // Филологические науки. 1983. № 3. С. 42–48.
- Шмелева Т. В.* Семантический синтаксис: Текст лекций / Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 1994. 46 с.

Список источников

- Абрамова А. А.* Метафорический образ механизма в русской языковой картине мира // Вестн. Том. гос. ун-та. 2013. № 369.
- Агафонова Е. В.* Философские аспекты образования: университет и смена образовательных стратегий // Вестн. Том. гос. ун-та. 2012. № 360.
- Берсенева Т. П.* Синергия и синергетика: категория исихазма и современная наука // Вестн. Том. гос. ун-та. 2013. № 369.
- Бохан Т. Г., Берлизова Т. Б., Кузнецов В. Н., Галажинская О. Н.* Ценностно-смысловая обусловленность трудностей самореализации при формировании алкогольной зависимости в молодом возрасте // Вестн. Том. гос. ун-та. 2014. № 388.
- Быков Р. А.* Исторические условия формирования новых религиозных движений в России // Вестн. Том. гос. ун-та. 2012. № 360.
- Волов В. В.* Феномен лицевой экспрессии в психологии // Вестн. Том. гос. ун-та. 2014. № 388.
- Гнюсова И. Ф.* Совершенствующая героиня в творчестве Джордж Элиот и Л. Н. Толстого // Вестн. Том. гос. ун-та. 2013. № 369.
- Дмитриева Л. П.* Детективные новеллы Э. По в русской эдиционной практике рубежа веков // Вестн. Том. гос. ун-та. 2013. № 369.
- Долженко Р. А.* Трансакционные издержки использования новых форм трудовых отношений на примере краудсорсинга и возможные пути их снижения // Вестн. Том. гос. ун-та. 2014. № 388.
- Капитанов С. Н., Кабачкова А. В., Шилько В. Г.* Самостоятельные занятия физической культурой у мужчин в возрасте от 36 до 44 лет // Вестн. Том. гос. ун-та. 2012. № 360.
- Ковалева С. В., Родионова А. П.* Традиция и новации в лексическом и грамматическом строе карельского языка // Вестн. Перм. гос. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 1(12).
- Кушнина Л. В., Юзманов П. Р.* Исследование категории информативности в документном образовательном переводческом дискурсе // Вестн. Перм. гос. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 1 (17).
- Лаппо М. А.* Самоидентификация: прямое, косвенное эксплицитное и косвенное имплицитное описание идентичности говорящим субъектом // Вестн. Том. гос. ун-та. 2013. № 372.
- Лукьянов О. В., Неяскина Ю. Ю.* Смысловые детерминанты временной перспективы личности // Вестн. Том. гос. ун-та. 2012. № 360.
- Макеева И. А.* Модель гражданского воспитания детей-сирот средствами музейной педагогики // Вестн. Том. гос. ун-та. 2012. № 360.
- Мальшев Я. В.* Основные направления совершенствования уголовной ответственности за заведомо ложные показания свидетеля и потерпевшего // Вестн. Том. гос. ун-та. 2012. № 360.
- Микулин А. И.* Административно-правовой статус лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении: содержание и особенности // Вестн. Том. гос. ун-та. 2014. № 388.
- Муравьёва О. И., Мацута В. В., Ерлыкова Ю. Н.* Факторная структура личностных особенностей предпринимателей малых и крупных городов Сибири // Вестн. Том. гос. ун-та. 2014. № 388.
- Савичев О. Г., Фунг Тхай Зьонг.* Эколого-геохимическое состояние поверхностных вод и донных отложений в дельте Меконга (Вьетнам) // Вестн. Том. гос. ун-та. 2014. № 388.
- Смирнова М. В.* Две Марины (по роману В. Сорокина «Тридцатая любовь Марины») // Вестн. Перм. гос. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 1(17).

- Степанов А. Д.* Об отношении к мертвым словам (Чехов и Сорокин) // Вестн. Перм. гос. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 1(17).
- Сычева С. Г.* О некоторых эстетических идеях И. Канта и В. И. Иванова // Вестн. Том. гос. ун-та. 2012. № 360.
- Тюрина И. И.* Жанровое своеобразие пьесы Вяч. Иванова «Любовь – мираж?» // Вестн. Том. гос. ун-та. 2012. № 360.
- Урюмова М. М.* Ребенок и детство в сибирских старожильческих говорах (лингвокультурологический портрет) // Вестн. Том. гос. ун-та. 2013. № 369.
- Фортунатов А. Н., Бокова А. В.* Преодоление виртуальности. Опыт компаративного анализа социальных значений локальных сообществ в Томске и Нижнем Новгороде // Вестн. Том. гос. ун-та. 2014. № 388.
- Ходова С. С.* История развития взаимоотношений Китая и АСЕАН // Вестн. Том. гос. ун-та. 2014. № 388.
- Хорошенкова А. В.* Исследования по истории СССР в вузах Нижнего Поволжья во второй половине XX в.: тенденции и противоречия // Вестн. Том. гос. ун-та. 2014. № 388.
- Цибульникова М. Р.* Учет природного капитала и экосистемных услуг в управленческих решениях // Вестн. Том. гос. ун-та. 2012. № 360.
- Цигулева О. В.* Образовательные модели высшей школы в странах западной Европы и России в рамках Болонского процесса // Вестн. Том. гос. ун-та. 2014. № 388.
- Цун Япин.* Лингвистические особенности русских и китайских народных сказок в национально-культурном аспекте // Вестн. Перм. гос. ун-та. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 1(17).

S. V. Grichin

The category of definiteness/indefiniteness in authorization aspect

The paper describes the features of the category of definiteness/indefiniteness in the aspect of authorization (evidentiality) on the scientific discourse material. A brief review of the current approaches to the analysis of this category is given, the content of the discursive aspect of studying it is revealed. Based on the provisions of the functional communicative syntax, functional syntax, functional stylistics, and the theory of reference, the language units – quantifiers of definiteness and indefiniteness are allocated. It is shown that the introduction of an authorization structure in a sentence leads to the explication of definiteness quantifiers in it, such as deictic pronouns with demonstrative function; proper names; adverbial modifiers (grammatical and semantic ones), adjectives and adverbs with the meaning of definiteness, and numerals. On the contrary, unauthorized statements, not showing definiteness concerning the information source, prove to be less certain in the relation to the proposition. It is concluded, that the meanings of definiteness/indefiniteness in both modus and dictum are mutually determined.

Keywords: scientific discourse, authorization, definiteness, indefiniteness.

DOI 10.17223/18137083/55/16